

Марк Рабинович
ХАМСИН,
или
Одиссея Иззи Резника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марк Рабинович

Хамсин, или Одиссея Иззи Резника

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рабинович М.

Хамсин, или Одиссея Изя Резника / М. Рабинович — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96341-2

Советский офицер Изя Резник, служащий в оккупированной Австрии, оказывается замешан в политические интриги вокруг маршала Рокоссовского. Спасаясь от преследований, он несколько раз пересекает послевоенную Европу, сражается со скрытыми нацистами, теряет и приобретает друзей. Нацисты и шпионы, партизаны и мирные бюргеры. Югославия, Италия, Швейцария, Германия, Франция, Бельгия и Мальта. Где закончится его одиссея? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96341-2

© Рабинович М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая. Оккупационная зона.	5
Вена, февраль 1947	5
Село Рыбцы, Полтава, июнь 1944	11
Вена, февраль 1947	18
Ростов-на-Дону, сентябрь 1945	21
Вена, февраль 1947	23
Юго-Восточная Польша, май 1945	25
Вена, февраль 1947	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марк Рабинович

Хамсин, или Одиссея Изи Резника

Часть первая. Оккупационная зона.

Вена, февраль 1947

...Танк, едва видимый размытым серым силуэтом через морось и сумерки, разворачивается и хищно ведет коротким стволом. Сейчас он заполняет собой почти все поле прицела, и, кажется, так несложно попасть перекрестием тонких рисок под приземистую башню. Кумулятивный 76-миллиметровый снаряд уже готов проделать аккуратное круглое отверстие, проникнуть в моторный отсек и разорваться там, круша железо и разрывая плоть. Но перекрестие дрожит и не желает наводиться. Что же этому виной? Что? Может быть – взрывная волна от очередного снаряда, выпущенного то ли из танковой пушки, то ли из скрытых в перелеске немецких "семидесятипяток"? А может быть виной этому неверная, размытая дождями и разорванная снарядами земля под сошками? Или просто дрожат руки? Да, это поле хорошо и основательно распахано. Еще вчера пожилой ездовой Вуколов, рассматривая его с позиции на другом берегу речушки, утверждал, что это заливной луг. Когда-то, по его словам, здесь был прекрасный выпас для помещичьих, а потом и для колхозных коней. Но с той удобной заречной позиции дивизиону пришлось отступить. Там осталась половина орудий в виде груды металлолома среди сгоревших зарядных ящиков. И там осталась половина личного состава в виде зеленых заплат на бурой земле. Вуколов тоже навсегда остался там, на вчерашней позиции. Сейчас же дивизион отступал через луг, который уже не был лугом, а превратился в глиняную ловушку для наших ЗиС-3. Да, поле оказалось распаханным и было оно распахано войной. По нему несколько дней лупили снарядами разного калибра. Лупили наши, лупили фрицы, ну а авиация добавила свое. И это глиняное месиво остатки дивизиона так и не смогли пересечь. Натужно стонали кони, плакали и матерились ездовые, вцепившись в поводья, а бойцы судорожно толкали непослушные колеса, кроя последними словами подлую глину. Все были на пределе последних сил: и кони и люди. Поэтому истошный крик "танки!" не прибавил сил и не создал панику, а лишь принес облегчение. Теперь можно было перевести дух, отдышаться и бить по танкам прямой наводкой из невыгодной, открытой всему свету, но единственно возможной теперь позиции.

Слева два танка застряли в непролазной глине и, крутя башни, бьют фугасными по двум оставшимся орудиям батареи. А сзади уже кто-то истошно орет:

– Бей же, бей, мать твою! Огонь, командир! Огонь!

Этот крик мешает, не дает навести проклятый прицел. Но тут грохот разрыва закладывает уши, прокатывается жаркая волна и больше не слышно криков. Так вот же он, нижний срез башни, как раз в перекрестии! Теперь отшатнуться назад от прицела, чтобы отдача не впечатала обрезиненную оптику в глаз, и надавить на рычаг. Но станина орудия вдруг куда-то убегает, как будто и ее и все орудие отбросило взрывом, измяв тонкую сталь пятимиллиметрового щита, и что-то мягкое с размаху бьет по спине. Медленно, кинематографическим затемнением, накатывается небытие...

...Реальность возвращается столь же медленно. Вначале появляется темно-оранжевый кружевной абажур на потолке и фотографический портрет незнакомого мне усача на стене. Усач гордо выпятил грудь, туго обтянутую мундиром неизвестной мне армии со множеством блестящих пуговиц и витых золоченых шнуров, которые, кажется, зовутся аксельбантами.

Опирается усач на богато украшенную саблю и вид имеет надменно-гордый. Потом реальность неохотно возвращает мне спинку кровати с блестящими шарами. Шары не в фокусе и я промаргиваю глаза. Теперь все четко: и чугунные решетки на спинке и никелированные шары по краям. Утренняя нечеткость зрения и нечастые головные боли, вот и все что мне осталось на память от фугаса, швырнувшего меня об раскисшую глину четыре года назад. А еще мне тогда раскроило плечо осколком. Но плечо давно зажило и лишь немного, совсем не обременительно, ноет в сырую погоду. Вот только та схватка, последний бой нашего дивизиона, иногда не дает мне покоя по ночам. Для меня то давнее сражение тоже оказалось последним, потому что где-то в кадрах заметили в моем личном деле пометку о знании английского. Началось все не слишком хорошо и меня долго трясали в Особом Отделе пытаясь навесить сокрытие личных данных и дезертирство. Было не совсем понятно, как именно я мог скрывать свои лингвистические способности, если они изначально были прописаны в моих документах? К тому же "дезертировал" я прямиком на передовую, подозрительным образом уклонившись от необременительной штабной службы. Однако логика никогда не смущала особистов и меня как раз начали "обрабатывать", когда выяснилось, что армии позарез нужны переводчики. Поэтому меня не успели покалечить, даже не выбив, а лишь расшатав два передних зуба. Десны зажили и я начал свою тыловую карьеру.

Сон постепенно отступает и вместе со зрением возвращается и память. Усач на стене носит, разумеется, форму австрийской Императорской Гвардии, поскольку является, а точнее – являлся, мужем фрау Браницки, моей квартирохозяйки. Когда год назад, размахивая комендантским ордером, я явился пред ее светлые очи, сия фрау долго и неимоверно занудно клялась мне в любви к русским. Для начала она рассказала мне о своей бабушке, закрутившей много лет назад головокружительный роман с русским князем (ну, разумеется!), плодом которого стала ее матушка. Фрау брызгала слюной и безбожно путалась в своем вранье. Пришлось ее пожалеть и признаться, что я еврей, что совершенно выбило ее из колеи. Некоторое время она раздумывала, не признаться ли, что ее прадедушка по материнской линии был кантором в зальцбургской синагоге, но не решилась и ограничилась профессиональным поджатием губ. В дальнейшем она оказалась совсем не вредной старухой и мы иногда попивали вместе венский кофе со сливками, достоинства которого на мой вкус слегка преувеличены. Саму же старуху Браницки явно устраивал молодой, относительно интеллигентный и малопьющий офицер, который не водил (почти) к себе женщин.

Поэтому она не опасается оставить покойного герра Браницки наедине с советским старшим лейтенантом. Куда денешься, ведь ее семья осталась только на фотокарточках. Старый гусар Браницкий, следящий за мной со стены, погиб от шального снаряда при штурме города в апреле 45-го, пытаюсь раздобыть какую-либо еду для больной жены. Ну а дальше, над столом в гостиной висит фотография сына фрау Браницки: светлый пиджак, отложной воротник белой сорочки, темные волосы, веселые светлые глаза. Но я знаю, что в спальне у моей хозяйки есть и другая фотография молодого Антона Браницки – в так хорошо знакомой мне полевой форме Вермахта. Ее как-то показала мне сама фрау. Произошло это после того как австрийские газеты еще летом 45-го раструбили пресс-релиз давней Московской декларации, в котором Австрия именовалась "первой жертвой нацистской оккупации". Людям свойственно верить всему и уже на следующий день можно было встретить в Старом Городе восторженных юнцов, размахивающих красно-белыми флагами под неодобрительными взглядами совместных патрулей. Зато на них одобрительно посматривали люди постарше, которые десять лет назад так же восторженно размахивали красно-белыми флагами встречая других оккупантов. Только на тех флагах была свастика вместо полос. Я не знал, как приняла Аншлюс моя домохозяйка и предпочитал не спрашивать. А тогда она показывала мне старую фотокарточку, плакала и прятала глаза. Что я мог ей сказать? Что осколок, разорвавший артерию светлоглазому Антону под Малой Вишерой, мог быть от снаряда, выпущенного моей рукой? А еще я мог бы рассказать, что во враже-

ской армии австрийцем был каждый четвертый, а то и третий. Да, с нами воевали не только немцы. Их было много самых разных, чуть ли не со всех стран Европы. Под Ленинградом, где я принял свой первый бой, нам довелось обстреливать позиции Норвежского Легиона СС и испанской "Голубой Дивизии". А потом, уже много позже, мы крошили под Нарвой голландских гренадеров. Одессу, где застряли в начале войны мои родные, оккупировали румыны, под Сталинградом навечно остались итальянцы и венгры. Гришке Онищенко, с которым я познакомился в госпитале, довелось воевать против хорватов и словаков. А когда он, сам хохол, упомянул о боях с гренадерами из "Галитчины", то единственное, что он процедил сквозь зубы было:

– Пленных было велено не брать... Их и не брали... Он же с тобой на твоём-же языке... И глаза коровьи как будто это и не он, там на полтавщине... А форма-то на нем эсэсовская... Так штык в форму эту сам входит, как бы и руки тут не при чем...

Теперь же все они стремительно становились "жертвами оккупации": и голландцы и австрийцы и румыны с венграми и хорватами. Как будто не они вытаптывали своими сапогами траву под Лугой и Николаевом. Поэтому тогда мне нечего было сказать фрау Браницки и я отделался неопределёнными вздохами и покачиванием головой.

Но сегодня моей домохозяйки не было видно. Наверное она ушла с утра пораньше в кондитерскую за углом, где по утрам выпекали замечательные рогалики из почти белой муки. Стоили они весьма недешево, но старуха продолжала потакать греху чревоугодия, периодически каясь в нем исповеднику в Карлсكيرхе, куда она ходила по воскресеньям на мессу. Все же инфляция, благодаря стараниям правительства и денежной реформе, хоть и продолжала ползти вверх, но делала это все медленнее и медленнее. Новые шиллинги, пришедшие на смену старой валюте и проклятым рейхсмаркам, курс которых скакал совершенно непредсказуемо, несомненно оздоровили экономику. Дело явно шло к отмене карточной системы. И все же на черном рынке, который не собирался сдавать позиции, предпочитали фунты, доллары или, на худой конец, франки. Рубли там не котировались, зато ценилась русская тушенка, которая по своим качествам уже превосходила свой лендлизовский прототип.

Я успел умыться под тонкой струйкой холодной воды из крана, почистить зубы мятным зубным порошком, который нам выдавали в комендатуре и натянуть брюки и китель, когда задребезжал дверной колокольчик. Проклиная всех утренних визитеров, я прошлепал к двери. По случаю мягкой зимы топили кое-как и идти босиком по паркету было холодновато. За дверь обнаружился офицер в накинутой на плечи шинели, с огромным фибровым чемоданом у ног и потрепанным вещмешком за спиной. При виде моих погон его напряженное лицо расплылось в широкой улыбке:

– Вот зна-атся как! Наши в городе!

Глядя на это трудно было удержаться от ответной улыбки.

– Слышь, бог войны – продолжил мой утренний гость, глядя на мои еще артиллерийские, погоны – Это ведь Волебенгассе 9, верно? Шестнадцатая квартира? Вот глянь, тут у меня ордер.

Сразу стал понятен утренний визит. Комендатура у нас работает круглосуточно и ордер могли выдать в любое время дня и ночи. Действительно, у старухи Браницки пустовала комната покойного Антона и мы с ней давно гадали, кого же к нам поделят. Поэтому на бумажку я смотреть не стал и пригласил гостя в дом. В прихожей он сбросил шинель и оказался инженер-капитаном. Хорошо, что не из "СМЕРШ", подумал я. С особистов, впрочем, станется носить погоны технарей, вот только селиться они предпочитают среди своих.

– Яков Семёнович Матвеев – представился капитан – Но можно просто – Яша. Связист я. Вот, перевели к вам из Восточной Пруссии, из Кенигсберга, то есть, тьфу, из Калининграда.

Тут он вопросительно посмотрел на меня и я спохватился:

– Резник, Исаак Александрович, но можно просто – Изя. Переводчик при комендатуре.

– О, так ты тоже яврей! – обрадовался капитан.

Во времена моего детства на вопрос о национальности у нас принято было отвечать боевой стойкой и агрессивно-вызывающим: "А что?" Но опасные ленинградские подворотни остались за несколько тысяч километров от Вены, да к тому же меня смутило капитанское "тоже". На еврея он был похож не более, чем я на китайца, к тому же его широкое лицо и "яврей" вместо "еврей" выдавали среднерусское происхождение. Фамилия тоже ассоциировалась скорее с сохой и дышлом, чем с мацой и талескотном, чем бы этот загадочный талескотн не был для такого ассимилированного еврея как я.

Но служба не готова была ждать и на выяснение подробностей у меня уже не оставалось времени. Я быстренько показал связисту кухню, объяснил что и где и отсыпал кофе из своих запасов. Стрелки на трофейных швейцарских часах с тремя циферблатами показывали начало восьмого и мне следовало торопиться. Натянув сапоги на дорогие шелковые портянки вместо носков – фронтовая привычка – я помчался к трамвайной остановке. Наша Волебенгассе упирается в широкую Принц-Юджин штрассе, по которой и проходит трамвайная колея. В последний вагон дребезжащего состава, напоминающий наши ленинградские довоенные вагоны, я вскочил на ходу и остался на площадке, простреливаемой неодобрительными взглядами многочисленных по случаю воскресенья пассажиров. Кондуктор покосился на меня, но билет предлагать не стал – по неписанной традиции офицеры союзников пользовались трамваями бесплатно. Двухвагонный состав выехал на южную часть Шварценбергплатц, которую местные прозвали Сталинплатц из-за памятника советским солдатам с танком на постаменте перед ним.

Венцам, по правде говоря, нельзя отказать ни в чувстве юмора, ни в эстетизме. Однажды я разговорился с Карстеном, молодым инженером из муниципалитета, с которым мне пришлось пообщаться по административным делам. Как раз за день до этого я помог ему решить некую административную проблему с обычно несговорчивым и весьма вредным полковником из техчасти комендатуры. Когда моя хитрая мина, из смеси подхалимажа и невнятных угроз, сработала и Карстен получил то, что хотел и что ему, на мой взгляд и так причиталось, парень расчувствовался и пригласил меня на кружку пива в подвальчик на Никельсдорф. Нам это было запрещено, но Карстен уверял, что никто не узнает. Никто и не узнал и мы не ограничились одной кружкой благодаря тому что я был в штатском, а мой немецкий, если и вызывал подозрения посетителей, то лишь тем, что походил на "хохдойч"¹. Расслабившись после пива, Карстен разоткровенничался. Он рассказывал про травму ноги, избавившую его от фронта и оставившую в университете, но не избавившую от трудовой повинности и формы Вермахта, из-за чего он провел несколько необременительных месяцев в британском лагере для военнопленных. Потом, подмигивая и переходя на шепот, он невнятно бормотал про "этого лиса Реннера", который "переиграет и Сталина и союзников". Наконец, в порыве откровенности, но по-прежнему шепотом, он сказал:

– Ты хороший парень, Резник, но, только не обижайся, ты здесь не нужен. Никто нам не нужен, ни русские, ни американцы, ни монголы. Австрийцы достаточно повоевали и в следующей войне, которую недолго ждать, постараемся остаться в стороне.

– Если получится, конечно – добавил он стремительно трезвея.

Мы оба понимали, что остаться в стороне от ядерной бомбы вряд ли получится.

– А еще я бы убрал из города все следы оккупации, портреты вождей, чужие флаги, надписи на иностранных языках – добавил он – Единственное, что я бы оставил, так это памятник на Сталинплатц.

Я посмотрел на него с изумлением. Карстен утверждал, что никогда не симпатизировал нацистам, но так сейчас говорили все. А вот в симпатиях к русским его трудно было заподозрить, особенно после знакомства с полковником техслужбы. Заметив мое недоумение он пояснил:

¹ Верхненемецкий.

– Ваши художники так тонко вписали памятник в ансамбль Шварценбергплатц, что кажется он всегда был там. Теперь ни один истинный венец не решится убрать его. Это как резать по живому. Вот только танк я бы убрал с постамента, а то он нарушает гармонию...

Трамвай истошно затренькал и повернул налево, на Кёртнер-Ринг, огибая почти нетронутый во время штурма города памятник Карлу Филиппу. Кёртнер-Ринг незаметно перешла в Оперн-Ринг, потом начался Бург-Ринг и, наконец, кондуктор, дребезжащим как его трамвай голосом, объявил мою остановку: Народный театр. Я соскочил с подножки, ностальгически вспомнив при этом трамвайную остановку на углу Офицерской и Театральной площади. Офицерскую давно переименовали в Декабристов, но у коренных ленинградцев считалось шиком помнить старые названия.

Советская комендатура занимала Дворец Эпштейна на противоположной стороне Ринга. Это огромное здание принадлежало когда-то внезапно разбогатевшему еврейскому торговцу сукном из Праги. Потом Эпштейн разорился во время давнего краха венской биржи, а здание перешло государству. Сейчас же его массивный классический фасад скрывали огромные портреты Ленина и Сталина, разделенные такой же гигантской пятиконечной звездой.

На входе стоял незнакомый часовой и пришлось доставать пропуск. Время поджимало и на третий этаж я подымался бегом и столь же бодрой трусцой проследовал дальше по коридору. Вся его дальняя часть была отгорожена фанерной перегородкой, комнаты за которой принадлежали "СМЕРШ". Вообще-то эта чекистская структура было создана во время войны и, по идее, после войны должна была отмереть за ненужностью. Но, как известно, любая бюрократия тратит большую часть своих ресурсов на поддержание собственного существования. Поэтому "СМЕРШ" был жив как никогда, в особенности благодаря маячащей на горизонте "холодной войне". Через перегородку вела дверь, которую охранял вооруженный часовой. В техчасти и у нас, переводчиков, эту дверь называли "дорогой на Колыму", из-за того что за ней уже неоднократно исчезали навсегда неосторожные офицеры и солдаты пойманные на черном рынке или застуканные на слишком теплых отношениях с австрийками. Впрочем, местные австрийцы весь Дворец Эпштейна прозвали "воротами в Сибирь". На меня часовой посмотрел подозрительно, проявляя бдительность, но я сделал вид, что его не замечаю и проскочил в боковой коридор, где располагались комнаты переводчиков.

Когда я вошел, наш командир, подполковник Залесский, посмотрел на меня укоризненно и покачал головой. Мне стало неловко, хотя опасаться строгого начальства не было причин. В душе подполковник как был так и остался сугубо штатским человеком и держался с нами не как служака, а скорее как университетский профессор, каким он и был до войны на кафедре иностранных языков в нижегородском университете. Признаюсь, сегодня у подполковника были основания для недовольства, потому что в Первом секторе, который все называли Старым Городом и который находился под совместным управлением всех четырех держав, проходил сейчас "месячник" советской администрации и в комендатуре все стояли на ушах.

– Доброе утро, Серафим Викторович – смущенно пробормотал я.

Залесский побуравил меня своим профессорским взглядом еще пару секунд и смягчился.

– Здравствуй, Изя – сказал он – Тут тебя уже искал какой-то майор из СМЕРШа. Но он не сказал, что ему от тебя надо.

При слове СМЕРШ следовало пугаться, но я был стреляным воробьем, имел со особистами дела неоднократно и прекрасно понимал, что если тебя спрашивает майор, то не для того чтобы арестовать. Майор Особого Отдела, который мы по старой привычке называли СМЕРШ, был птицей слишком высокого полета для ареста простого старлея. Для этого существовал наряд из лейтенанта и пары бойцов, причем вхолостую они никогда не приходили. Поэтому про особиста я сразу забыл. На моем столе со вчерашнего дня не осталось бумаг для перевода и я как раз собирался побездельничать, считая проходящие под окном трамваи, как вновь

заявился тот самый майор. Еще не успел он открыть рот, как я с удивлением узнал в нем своего давнего знакомого...

Село Рыбцы, Полтава, июнь 1944

...Огромную, гладкую как стол и сверкающую металлом взлетно-посадочную полосу строили женщины полтавщины. Полтора месяца назад они пришли сюда и начали укладывать стальные плиты, привезенные в Мурманск северным конвоем и доставленные под Полтаву литерными поездами. Женщины работали днем и ночью, торопились, полосу построили в срок, на диво союзникам, и, вымотавшись до последнего предела, вернулись обратно к своим детям, примусам и скудному пайку. А сейчас на эту полосу садились "летающие крепости", взлетевшие в Англии и отбомбившие по заводу синтетического горючего и железнодорожному узлу в Германии. Огромные крылья тяжелых машины казалось спрессовывали тяжелый украинский воздух, бомбовозы наваливались на него низко над землей, как уставший человек валится на подушку, мягко плюхались на стальные плиты полосы и откатывались в сторону. Носы могучих машин были расписаны яркими, как в иностранных журналах, картинками: полуголая русалка, дракон, орел, расправивший крылья. Мне сразу вспомнилась песня, дошедшая до нас на хрипящей патефонной пластинке:

*Comin' in on a wing and a prayer,
Comin' in on a wing and a prayer,
Though there's one motor gone
We can still carry on,
Comin' in on a wing and a prayer.*

По радио ее уже успели передать в вольном переводе, в исполнении дуэта Утесовых.

*Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы ползем на последнем крыле.
Бак пробит, хвост горит и машина летит
На честном слове и на одном крыле...*

Сюда, под Полтаву, меня прислали сразу после выписки из госпиталя в Нарве и краткого инструктажа при НКО² в Москве. Там же я получил третью звездочку на погоны и медаль "За Отвагу". Носить медаль было приятно, хотя никакой особой отваги я за собой не числил, а своим главным подвигом считал то, что единственный из нашего дивизиона остался в живых. Теперь же я был приписан к 169-й авиабазе особого назначения с неблагозвучной аббревиатурой АБОН, но сохранил при этом свои погоны артиллериста.

База представляла собой взлетное поле, несколько ремонтных и складских ангаров странной для меня решетчатой конструкции, нескольких длинных барakov для советского персонала и палаточного городка для союзников. Командный пункт базы располагался в таком же дощатом бараке, что и спальни личного состава и только разномастные антенны над ним делали его издали похожим на небритого гиппопотама. В брюхе гиппопотама меня долго продержал тоже хронически небритый особист СМЕРШ. Представившись капитаном Гречухиным, он долго и занудно толковал о бдительности бесконечно устало-унылым голосом, искоса поглядывая в мое личное дело. Было заметно, что все это ему до отвращения безразлично. Наконец, он не выдержал:

– Ладно, Резник, не буду тебе лабуду гнать, ты же фронтовик. Только и ты тоже на меня зла не держи. Пойми, я же оперативник, "волкодав", брал диверсантов пачками, четыре пули

² Народный Комиссариат Обороны.

схлопотал. Да только последняя связка порвала, а левой я плохо стреляю. Вот теперь бумажки перебираю, шмонаю союзников и девок арестовываю. Ох и опасное это дело, девок брать, ведь они кусаются, но все ж много легче, чем диверсантов.

– Каких девок? – удивился я.

– Каких, каких... В прошлый рейд один ихний лейтенант спрятал местную дивчину в бомболуке. Так бы и увез к себе за океан, если бы какая-то блядь бдительность не проявила бы. Но и к нашему свистуну тоже бдительность проявили одной темной ночью, так он теперь в госпитале отлеживается.

– А она? – спросил я, от неожиданности забыв, что особистам не задают лишних вопросов.

– Нет ее больше – мрачно сказал Гречухин – И не вздумай болтать. Себе же хуже сделаешь.

Теперь я смотрел на него тем преданным взглядом, которому научился за время своего недолгого пребывания в застенках СМЕРШа. Но обмануть капитана мне не удалось.

– Ну я вижу – ты третий калач, даром что молод – удовлетворенно заметил он – Ладно, инструктаж я тебе провел. Завтра с утра заступишь на дежурство.

Коменданта базы я нашел в соседней комнате и уже через несколько минут бросил свой вещмешок под выделенную мне в бараке койку и провалился в сон. А на следующий день на базу садились "летающие крепости". Одна за другой, огромные машины плюхались на полосу и, откатываясь в ее дальний конец, становились там плотными рядами. У некоторых на плоскостях были видны пробоины.

– *That's the flak's work* – сказал человек в незнакомой форме, судя по замазленному комбинезону, механик.

– Чего он хочет? – спросил подошедший Гречухин.

– Это работа зениток – перевел я.

– Точно, одного у них подбили, но он дотянул до Швеции. А вот атаку истребителей они отбили, сами сбили шесть и потеряли одного – сказал Гречухин, и посмотрев на меня, добавил – Ихние истребители сопровождения сели в Пирятине. Впрочем, тебе это знать не надо.

Повернувшись к инженеру, он добавил:

– Плотненько они машины-то ставят. Как бы чего не вышло... Ты скажи-ка ему.

В ответ на мой перевод механик лишь пожал плечами, показывая, что это не его дело, повернулся и поплелся к машинам.

– Напрасно, ох напрасно – проворчал капитан – У Абвера тут всюду свои глаза. Намедни, взяли мы было одного с ракетой, да только живым не дался гад... Эх, если бы не рука!

Весь этот день я пробегал с механиками и пилотами, на ходу осваивая авиационную терминологию. К полудню я уже с трудом ворочал языком, постоянно заикаясь на "лонжеронах", "трансмиссиях" и прочих заумных терминах. И тут раздался крик: "Воздух!!". В возгласе не прозвучало паники, скорее в нем был неподдельный интерес. Я поднял голову. Высоко над нами, с трудом различимый на фоне редких облаков, висел одинокий самолет совсем не похожий на привычную мне по фронту "раму". Тут же с нашего взлетного поля взлетели два натуженно рычащих ЯКа и резко начали набирать высоту.

– Не достанут – уверенно сказал инженер-лейтенант в замазленном комбинезоне и американских ботинках – Сюда бы парочку МиГов, да где же их взять!

На поле высыпали многочисленные американцы вперемежку с нашими техниками. Вдруг толпа расступилась, пропуская рослого офицера союзников, по видимому очень высокого ранга. Вслед за ним появился красавец генерал-майор в форме с голубыми погонами.

– Командующий базой – уважительно пояснил давешний техник.

Генерал-майор начал что-то горячо доказывать американцу, но до меня долетали лишь отдельные слова: командующий пытался говорить по немецки. Получалось у него плохо, да к тому же не было похоже, что американец знает этот язык.

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться! – прокричал я, пытаюсь без особого успеха перекричать генерала.

– Чего тебе, старлей? – гневно рявкнул генерал.

– Старший лейтенант Резник, прикомандирован к вашей части... – но договорить мне не дали.

– Нахрена мне артиллеристы! Иди к зенитчикам.

– Ёлки-палки, так я же переводчик – не по уставному заорал я.

– С английского?

– Так точно!

– Ну так какого хрена ты молчишь! – нервное состояние генерала явно не способствовало логическому мышлению, но тон он все же сбавил – Объясни ты этому вояке, что его машины надо перегнать в Миргород. Или, по крайней мере, рассредоточить.

Я перевел, потом перевел ответ американца, потом гневные доводы командующего, потом снова – снисходительно-спокойную реакцию союзника. Так они ни до чего и не договорились. Ко мне подошел невысокий американский офицер с оливкового цвета глазами навыкате и сказал:

– Повело kota на блядки? Или, может быть, нашла коса на камень? Так ведь у вас говорят? Очень плохо, когда самолюбие бежит впереди здравого смысла. Верно?

По русски он говорил довольно чисто, но с сильным не то польским, не то чешским акцентом. Ответить я не успел, потому что к нам подбежал потный пилот, еще не снявший свой меховой реглан и прокричал:

– *Hey, Dick, my tech tells me something I can't figure out. Would you help me³?*

Мой новый знакомый подмигнул мне и побежал по полю, успев лишь крикнуть на прощание:

– *Зайн гезунт мени!*

– Это он по-каковски? – спросил внезапно появившийся Гречухин.

– Идиш – ошеломленно пробормотал я и, в ответ на недоуменный взгляд особиста, добавил – Еврейский язык.

– Понятно – проворчал капитан.

Теперь недоумение было написано на моем лице и он пояснил:

– Его зовут Ричард Пайпс, но никакой он не Ричард, а может быть и не Пайпс. Ты, старлей, держи с ним ухо востро. Он значится переводчиком, но это мужик не простой, несмотря на молодость. Однако, сейчас он все верно сказал – и капитан задумчиво посмотрел в небо – Теперь одна надежда – на зенитчиков.

Уверенности в его голосе я не услышал.

Вечером, когда страсти немного утихли, американцев повезли в недалекую Полтаву, пообещав им ужин и культурный досуг. Под "досугом" подразумевался концерт и танцы, поэтому союзники заметно оживились. Меня генерал захватил с собой, испытывая, похоже, необъяснимое доверие то ли к моим способностям переводчика, то ли ко мне лично.

– Ты смотри там, поосторожнее – предупредил меня Гречухин – Возможны провокации...

– Пайпс? – догадался я.

– Если бы... – сейчас особист был брезгливо-загадочен.

У меня возникло неприятное подозрение, что капитан знает больше чем говорит и провокаций следует ожидать вовсе не от американцев. На язык так и просился вопрос, но я благоразумно воздержался. Похоже, что Гречухин тоже испытывал ко мне доверие и я решил его не разочаровывать.

³ Эй, Дик (Ричард), мой техник говорит что-то непонятное. Не сможешь ли?

Несмотря на намеки особиста, ужин прошел мирно и почти безмолвно, наверное благодаря искусству поваров. Неплохо прошел и концерт в огромном импровизированном зале наспех оборудованном в полуразрушенном цеху какого-то завода. Было немного странно и немного больно переводить взгляд с блестящего танцевального ансамбля на сцене на разрушенные кирпичные стены и обратно. Танцы, привлекая немалое количество местных дивчин разного калибра, тоже начались спокойно. И тут, заглушая патефонный вальс, пулеметной очередью взорвался телефон. Наверное, он не должен был звонить сейчас, в этот неурочный час, но генерал, напряженно сидящий на стуле в первом ряду, как будто ожидал его. Он вскочил одним резким движением, схватил трубку, выслушал первую фразу, рывкнул "когда?!", выслушал ответ и, как будто отработывая давно продуманный текст, скомандовал:

– Союзники остаются и продолжают отдых. Остальным – немедленно на базу.

"Эмка" генерала первой рванула прочь от развалин цеха, за ней помчались грузовики и "виллисы". Я стоял в кузове и, стараясь не упасть, пытался прислушиваться к тому, о чем говорили соседи. Никто ничего толком не знал, но все были убеждены, что тревога связана с послеполуденным визитом самолета-разведчика. До базы мы добрались за считанные минуты. Там, как ни странно, было тихо. Меня перехватил появившийся ниоткуда Гречухин и потащил за взлетное поле. По небу металась лучи прожекторов, ничего не обнаруживая.

– Что эти придурки делают? – заорал особист – Они же нас подсвечивают!

С полосы снова сорвались давнишние ЯКи и немедленно пропали в ночном небе.

– Да что тут происходит? – возмутился я.

– Сейчас будет налет на нашу базу. Полчаса назад их самолёты пересекли линию фронта...

– Много? – задал я не самый мудрый вопрос.

– На нашу душу хватит! Быстрее, за мной!

– Куда? – машинально спросил я уже понимая, что спрашивать не следовало.

Гречухин так на меня посмотрел, что мне стало страшно. Ничего не ответив, он понесся к краю взлетного поля. Он мчался быстро, но совершенно бесшумно и в его стремительной походке проскальзывало нечто волчье. На мгновение он остановился, достал из-за пояса длинный пистолет и протянул мне.

– Держи! Похоже, что ты в этой инвалидной команде единственный фронтовик. А мне все равно с двух рук не палить.

В оружие я узнал мечту фронтовика – дорогой и редкий люгер-парабеллум.

– Ты только не геройствуй и слушай меня – крикнул особист на бегу – До настоящего волкодава тебе еще сто верст и все пехом.

Он волшебным образом выхватил откуда-то наган и помчался вперед, держа оружие в левой руке и энергично размахивая правой. Быстрой трусцой мы обогнули взлетное поле и ангары с ГСМ, причем капитан все время наклонялся и что-то высматривал. Мне даже показалось, что он принюхивается то ли к чему-то на земле, то ли тянет в себя воздух верхним чутьем, как охотничий пёс. Таким аллюром мы обежали базу по периметру, но ничего не обнаружили. В дальнем конце полосы Гречухин повалил меня за кочку и, пристроившись рядом, начал кидать острые взгляды на дальние края полосы, периодически посматривая вверх. Вдруг он насторожился и, как мне показалось, по-собачьи повел ухом. Наконец и я услышал далекий гул моторов. Теперь время замедлило свой бег, минуты превратились в часы и тянулись медленно и тягуче, как засохшая пастила из жестяной коробки в детстве. Гул моторов нарастал.

– Ничего не понимаю – недоуменно пробормотал особист – Кто же их наводит?

– По радио – догадался я – Они наводят по радио, а на самолетах стоят пеленгаторы.

– Как же мы их возьмем? – растерялся капитан.

– У СМЕРШа что, своих пеленгаторов нет? – удивился я.

– Есть, но только в Полтаве – капитан ударил себя по лбу – Какой же я дурак! Наверное уже поздно! Телефон...

Не договорив, он бросился бежать к командному пункту. И тут раздались негромкие, совсем нестрашные разрывы мелких бомб и сразу, почти одновременно, погасли бессмысленно шарящие по небу прожектора. А капитан все бежал и бежал к белеющему на краю поля посту связи. Ему почти удалось добежать до телефона, когда ночь превратилась в день. Высоко в небе магниевой вспышкой вспыхнул яростный огонь, потом он немного ослаб и загорелся ровным, ярким светом. Вслед за ним так же ярко загорелся другой, третий. Множество ярчайших ламп разорвали ночь и осветили каждую травинку на поле. По прежнему ревели моторы нарастающим гулом, но мне парадоксальным образом казалось, что на базу навалилась тишина. На посту связи, ярко, как днем, освещенный Гречухин кричал что-то неслышимое, судорожно прижимая к уху трубку телефона. И тут разверзлись ворота ада...

Разрыв первой же бомба пришелся точно между двух "летающих крепостей", подбросил самолет, и огромный Б-17 казалось сделал попытку взлететь, но не разбегаясь, а с места, как птица, взмахнув крыльями. Взлететь ему не удалось и машина рухнула обратно, развалившись на три части. А бомбы уже ложились одна за другой, встряхивая и разрывая на части американские бомбовозы и наши ЯКи, перемешивая в воздухе крылья, моторы, шасси, советскую и американскую технику. Я завороченно смотрел на это зрелище, вздрагивая от близких разрывов, когда ко мне подбежал запыхавшийся Гречухин.

– За мной! – коротко не то вскричал, не то всхлипнул он – Полтава дала пеленг. Держись метрах в ста за спиной.

Он понесся вперед, а я, помедлив немного, чтобы поотстать, бросился вслед, наскоро передернув затвор люгера. Мы снова мчались вдоль поля, потом повернули налево, углубились в заросли чертополоха, миновали обнаженную войной кладку какой-то кирпичной стены и снова погрузились в чертополох. А за нашей спиной гукали взрывы и горячие волны ночного украинского воздуха подталкивали нас в спину, помогая бежать. Впереди, подсвеченные заревом, засверкали немногие уцелевшие стекла в окнах пригородного села Ивонченцы. И тут раздались негромкие на фоне близких разрывов бомб автоматные очереди и я увидел огоньки на дульном срезе, один справа от нас, другой слева. Особист упал сразу, от первой же очереди, покатился как тюк под уклон холма и остановился там, уткнувшись всем телом в остов сторевшего грузовика, безвольно раскинув руки, и судорожно сжав в левой свой уже бесполезный наган. Я вскинул пистолет и стал быстро давить на спуск. При каждом выстреле ствол подпрыгивал и было совсем не страшно и даже весело палить в темноту. Мне никто не отвечал, а я все стрелял и стрелял то влево, то вправо, туда где погасли вспышки автоматных очередей и мне вторили раскаты взрывов за спиной. Наконец, боек сухо щелкнул по пустой обойме. За спиной по-прежнему грохотало и стало уже совсем светло то ли от зарева разгоравшихся пожаров, то ли от осветительных бомб. Впереди, раскорячившись неподвижно лежал Гречухин и подозрительно молчала темнота с обеих сторон от его тела. Потом темнота зашевелилась и в ней проявились два злобных силуэта. Зарево за моей спиной подсвечивало мешковатые маскхалаты и поблескивало на так хорошо знакомых мне пистолет-пулеметах МП-40, почему-то именуемых на фронте "шмайсерами". Две подсвеченные фигуры медленно сближались направляясь ко мне, а мне по-прежнему не было страшно, наверное от шока. Сейчас меня будут убивать, подумал я, наверное зарежут знакомыми мне по фронту егерскими кинжалами. Такими ножами было очень удобно открывать лендлизовские консервы и поэтому они ценились на фронте почти как люгеры. Теперь две темные фигуры слились в одну, двухголовую, с закрытыми пятнистыми капюшонами головами. Очень удобно, подумалось мне, я даже не увижу их глаз. И тут наконец мне стало страшно, смертельно страшно, до мертвецкого холода в сердце. Я отрешенно подумал, что если они сделают еще пару шагов, я умру просто от страха и им даже не придется профессионально резать мне горло. Но резать горло им не дали. Наган

стреляет сухо, совсем не страшно и два выстрела слились в один продолжительный кашель. Двухголовая фигура распалась на две, одна сразу повалилась мешком на землю, а вторая, полуобернувшись, успела дать короткую очередь куда-то в небо. Раздался еще один кашель нагана и вторая фигура присоединилась к первой, вновь образовав двухголовое чудовище, но на этот раз – на земле.

– Помоги подняться, пушкарь хренов – раздался знакомый голос.

Еще не отойдя от шока, я механически, как театральный андроид-автомат угловато подскочил к особисту. Капитан лежал, приподнявшись на локте, с наганом, направленным в сторону неподвижных диверсантов. Темные волосы были растрепаны и них застряли соцветия репейников. Еще один репейник почетным орденом прицепился к его гимнастерке, как раз там, где у меня висела медаль "За Отвагу". Фуражка с малиновым околышем осталась где-то там, где сейчас горели "летающие крепости" и детонировали боеприпасы.

– Пятую схватил – услышал я.

Тупо посмотрев на капитана, я увидел темное пятно на боку его гимнастерки и это наконец вывело меня из ступора. Пока я помогал Гречухину подняться, его наган непрерывно, как привязанный, смотрел в одном и том же направлении. Когда мы вместе подошли к двуглавному телу и он послал меня пошевелить носком сапога обоих диверсантов, до меня наконец дошло, что уже второй раз меня используют в качестве приманки. Но, хотя моя голова по-прежнему была как в тумане, претензий к особисту у меня не было. Диверсанты не отреагировали на мой сапог и Гречухин смог наконец опустить свой наган. Теперь можно было осмотреть и перевязать его рану. Вообще-то, останавливать кровотечение грязной тряпкой – не самая лучшая идея, но ничего более чистого у нас не нашлось.

– Поверхностная – убежденно сказал капитан, покосившись на свой бок.

Это я уже понял и сам, успокоился и позволил себе наконец оглядеться. Гречухин тоже застыл, пораженный тем же, что и я зрелищем. Горело все: железо разорванных на куски "летающих крепостей", фанера разлетевшихся во все стороны ЯКов, полыхали склады горючего и уныло рвались последние авиабомбы на складе боеприпасов. Огонь подбирался к баракам личного состава, но его никто не тушил. Зато темные силуэты метались на взлетном поле и оттуда раздавались негромкие глухие взрывы, похожие на хлопки петард. Оставив капитана, я бросился было туда, но мне наперерез метнулась знакомая фигура красавца-командующего.

– Назад! Назад! – кричал он, раскинув руки, как будто опасаясь, что я прорвусь через этот импровизированный заслон.

– Назад, мать твою! – повторил он и, вдохнув побольше воздуха в легкие, с силой выдохнул – Там мины-ловушки.

Тут он добавил еще пару слов, которые пилоты обычно употребляют только в воздухе.

– Что там, товарищ генерал-майор? – спросил подковылявший Гречухин.

– Там полный швах, капитан. Немцы отбомбились, как по учебнику, ну а последней волной накидали поганых "бабочек". А наши дураки послали людей, не глядя... Там теперь такое... Такое!

– А зенитчики, что же? – выдохнул капитан.

– Обосрались наши зенитчики – махнул рукой генерал – По полной обосрались. Без прожекторов били, вслепую, ну и попали в белый свет как в копеечку.

– Мы тоже обосрались – хмуро сказал особист – Я-то, дурак, по старинке ракетчиков искал. А у них была радионаводка на земле и пеленгаторы в небе. Опоздали мы, командир.

– Вы их взяли?

– Нет, мы их положили. Но это-то как раз не беда, они все равно смертниками были, без связи и без обратного пути. Никаких таких сведений, никакой радиоигры.

– Понятно – генерал тоже был хмур – Ладно, иди в санчасть, капитан. А ты старлей отведи капитана и бегом ко мне. Будем с союзниками ругаться.

...С Гречухиным мы прощались следующим утром, когда его увозили в Полтаву на недолгую, по его уверению, госпитализацию.

– Как зовут-то тебя, старлей? – спросил он.

– Исаак Александрович – я подумал и добавил – Но для своих я Изя, так ты так и зови.

– Хорошее имя, простое, хоть и не русское. А я вот Федор Игнатьевич. Можешь звать Федором или Федей, как придется.

Мы еще постояли молча, вспоминая прошедшую ночь.

– А парабеллум ты верни, парень – добавил он – Ствол-то на меня записан, хотя пока и ни к чему он мне. Плохо я еще палю с левой, Изя. Но непременно научусь. Ты уж никому не говори, что я два раза стрелял в одного клиента. И еще...

Он ненадолго замолчал, вероятно подбирая слова.

– Скажу тебе как другу, только бога ради, не болтай лишнего...

Капитан еще немного подумал и, как будто решившись на что-то продолжил:

– Тебе при первой возможности стоило бы перевестись куда-нибудь в другое место. А то тут пованивает все больше и больше.

– Так все же Пайпс? – предположил я.

– Он-то само собой. Но и наши не ангелы, ох, не ангелы. Всякие дела могут произойти. Большого ты от меня не услышишь, но мотай на ус...

Санитарный грузовик повез его в Полтаву, объезжая покореженные каркасы сгоревших дотла складов ГСМ, а я уныло поплелся на взлетное поле, где наши техники устало ругались с союзниками и им явно требовался второй переводчик. Вдалеке, в палаточном городке пилотов, хрипло надрывался патефон:

What a show! What a fight!

Yes, we really hit our target for tonight!

Ночь была так темна, так темна

Все объекты разбомбили мы дотла...

Сейчас это звучало насмешкой, потому что не мы и не американцы, а пилоты Люфтваффе разбомбили все цели этой проклятой ночью. А патефон продолжал издеваться:

How we sing as we limp through the air,

Look below, there's our field over there,

With our full crew aboard

And our trust in the Lord

We're comin' in on a wing and a prayer

Вена, февраль 1947

...Мне весело ухмылялся Федор Гречухин, теперь уже не капитан, а майор. Никогда бы не подумал, что так обрадуюсь особисту. На щеке майора краснел плохо зашитый старый шрам, которого раньше не было и я догадался, что Гречухин научился стрелять с левой.

– Какими судьбами, Федор Игнатьевич? – невозмутимо, как мне показалось, спросил я.

– Здорово, Изя. Интересуешься стратегическими секретами? Да не бледней ты так, шучу я. Этими секретами полны газеты.

– Рокоссовский? – догадался я

– Он самый.

Этим действительно были полны все газеты: и наша “Эстерейхише Цейтунг”, и британские, которые я должен был просматривать каждое утро, и местные. К нам в Вену с визитом, а по сути – с инспекцией, должен был прибыть из Польши Главнокомандующий Северной группой войск, маршал Рокоссовский. Интересно, ведь мне до сих пор не приходилось встречать маршалов Советского Союза, наверное потому, что у нас на фронте таких сказочных созданий не водилось. Правда однажды мне посчастливилось увидеть спину маршала Конева еще тогда, когда он был Верховным Комиссаром по Австрии.

– Нам бы с тобой, Изя, стоило отметить нашу встречу – весело говорил Гречухин —, Но боюсь сейчас не выйдет. Мы тут все стоим на ушах из-за этого визита. Впрочем, за мной не заржавеет. Пусть вот только весь этот шум уляжется и мы с тобой вспомним Полтаву.

Я знал майора еще капитаном, и, хотя наше знакомство закончилось на второй день его ранением, я успел понять, что особист весьма не прост. Поэтому, когда он попросил: "Проводи-ка ты меня до Особого Отдела, а то я боюсь тут у вас в Австрии заблудиться", я не стал задавать вопросов и молча вышел в коридор вслед за ним. К комнатам СМЕРШа он двигаться не собирался.

– Слушай меня, Резник, и слушай хорошо – сказал он свистящим шепотом – Может я сейчас и выдаю тебе государственную тайну, но ты же прикрывал мне спину там под Полтавой, а такое следует помнить. В общем, по плану у нашего пана маршала встречи с союзниками. Всего тебе знать не след, но только если будешь им переводить, то держи ухо востро и постарайся уж ни во что ни влипнуть. Большого не скажу, не проси!

И, сделав загадочное лицо, особист уверенно пошел в ту сторону, дорогу куда он якобы не знал. Спину я этому "волкодаву" прикрывал весьма оригинально, но не исключено, что он действительно испытывал ко мне симпатию, а может быть даже и чувство вины за то что использовал как живую приманку для диверсантов. В любом случае, его предупреждением пренебрегать не следовало.

– Старый фронтовой друг – вяло пробормотал я в ответ на вопрошающий взгляд Залесского.

– Ну-ну – неопределенно хмыкнул подполковник.

"Ну и друзья у тебя, Изя!" – без особых усилий читалось на его лице. Но тут же это лицо приобрело профессионально-озабоченное выражение.

– Нам тут пришла разнарядка – он строго поглядел мне в лицо и заговорил нарочито официальным голосом – Вы, Резник, будете прикреплены переводчиком к маршалу Рокоссовскому.

– Надолго, Серафим Викторович? – спросил я, припомнив туманные предостережения Гречухина.

– На все время его визита. Впрочем, встретят его без тебя, да и проводят наверное тоже. А ты завтра с утра будь любезен безвылазно сидеть здесь вплоть до особых распоряжений. И умоляю тебя, Изя, не опаздывай.

До обеда я не торопясь составил сводку по британским газетам, а потом считал трамваи за окном, дожидаясь обеда. Но пообедать в комендатуре мне не дал тот же Серафим Викторович, приказав немедленно идти в УСИА⁴, где требовалось срочно перевести что-то не то английское, не то австралийское.

– Там и пообедаешь – успокоил меня подполковник.

Я не слишком расстроился, потому что в УСИА столовая действительно была лучше нашей, да к тому же при ней был магазин с субсидированными ценами, в котором можно было по дешевке купить пачку кофе для фрау Браницки.

– Пройдусь-ка и я с тобой – неожиданно заявил мой командир.

От Дворца Эпштейна до Траттнерхоф, где располагалось УСИА, можно дойти за четверть часа, да и то, если остановиться и взглянуть на давно уже восстановленный Хофбург, что мы и сделали.

– Красота-то какая, Изя – задумчиво произнес подполковник, глядя на колоннаду Нового Замка.

– У нас, в Ленинграде, есть не хуже – ревниво возразил я.

– Разумеется, разумеется – усмехнулся он, но вдруг, как будто вспомнив что-то, нахмурился – А ты знаешь, что с этого балкона Гитлер произнес речь сразу после Аншлюса.

Я про это не слышал и посмотрел на Залесского, пытаюсь понять, к чему он клонит.

– Вот представь – продолжил тот – Он стоит на балконе, еще не старый, не обрюзгший, энергичный и уверенный в себе. Он вспоминает хорошо забытый им венский говор и у него получается. Тогда он начинает бросать в толпу резкие, взволнованные фразы. И он говорит, говорит... А народ рукоплещет...

– Серафим Викторович, о чем это вы? – удивился я – Что нам сейчас тот Гитлер?

– Пойдем, Изя – хмуро сказал он – Пойдем, нас ждут.

Мы ускорили было шаг и тут он обернулся, пристально посмотрел на меня и сказал так тихо и пронзительно, что мне стало страшно:

– Ничего-то ты не понял, Изя. Я же не про Гитлера... Я про тех, кто стоял внизу. Всегда есть кто-нибудь на балконе... И всегда есть те, кто внизу. И те, что внизу рукоплещут, бездумно и радостно. Я сам это видел. А потом... Потом обычно бывает много крови.

Интересно, о каком это он балконе? Мне припомнился только балкон на Доме Кшесинской, с которого выступал Ленин. Наверное, Залесский подумал о том же, потому что он отвел глаза и мы двинулись дальше. Когда мы проходили мимо Чумной колонны, он снова остановился.

– Погоди, Изя, не несись так, подождут тебя эти контракты или что там у них – он задумался – Что-то я все не о том и не о том. Совсем другое я хотел тебе сказать.

Он снова замолк, похоже, не зная как продолжить. Я терпеливо ждал.

– Ты пойми, я ведь толком ничего не знаю, вот только не нравится мне этот визит маршала Рокоссовского. Сам не знаю почему, но не нравится. Так, слухи и дразги, не люблю я это и не стал бы обращать внимания... Разве что... Не знаю как сказать тебе...

– Наверное, мне следует быть осторожнее? – вспомнил я Гречухина.

– Ох, Изя, боюсь этого будет недостаточно. Тут похоже замешана политика, а политика это всегда вначале грязь, а потом и кровь.

– Какая политика? – удивился я – Это же наше внутреннее дело.

Он посмотрел на меня, как наверное смотрят профессора на тупых, безнадежных студентов.

– Видишь ли, мой друг, политика бывает внешняя, а бывает и внутренняя, и последняя порой может оказаться еще омерзительнее первой. Когда речь идет о власти, то в ход идут

⁴ Управление Советских Имуществ в Австрии.

все средства и горе тому, кто попадет между жерновами политики. Ведь там всегда грязь, а иногда и кровь. Борьба за уютное кресло стирает грань между коммунистами, социалистами, капиталистами или...

– Или фашистами – хмуро закончил я.

– Я этого не говорил – пожал плечами подполковник – Да и не важно это. Для тебя сейчас главное – не оказаться жертвой этих интриг. Тебе и так несладко досталось от этой войны.

Пожалуй, подполковник был пристрастен, ведь многим досталось много хуже меня. Я-то выжил под Нарвой и неплохо устроился потом переводчиком при НКЮ. Но Залесский имел ввиду совсем другое...

Ростов-на-Дону, сентябрь 1945

...Сентябрь в Ростовской области, это еще не осень. И только прохладный ветерок под вечер напоминает о том, что лето уже почти позади.

– Они еще так радовались, что успели эвакуироваться из Одессы – Устинья Петровна утирает слезы краешком передника – Фирочка вот только все время плакала по мужу своему, уж не упомню, как его звали.

Моего отца звали Александр, Александр Наумович Резник. Он сгинул где-то под Одессой, когда в жуткую мясорубку войны бросили очередные отряды Народного Ополчения. Ох, посмотрелся я под Ленинградом как прорехи в обороне спешно затыкают плохо вооруженными и необученными ополченцами.

– Первый раз, как немцы-то город взяли, не до нашей окраины им было – продолжает Устинья Петровна – А как наши-то вернулись, мы было и успокоились. Только вот как Харьков сдали, так Фирочка и заволновалась. Все она суетилась, все пыталась увезти дочку дальше, за Дон, за Волгу, но усатый сказал, что город второй раз не сдадим, вот и поворотили их на заставе.

"Усатым" она зовет не Сталина (как можно!), а Семена Михайловича Буденного. Это он заявил Отцу Народов, что второй раз Ростов не сдаст, а комендант города на лету подхватил его мысль и запретил жителям покидать город. Именно поэтому мою маму и сестренку завернули на блокпосту и послали назад, на смерть в Змиёвской балке. Коменданта, служившего потом немцам так же преданно, как и главному кавалеристу страны, давно расстреляли, но и к Буденному у меня тоже есть претензии, да только что усатому боль какого-то еврея. Откуда ему знать, что родители одного старшего лейтенанта артиллерии, взяв с собой маленькую Леночку, уехали в мирную еще, веселую Одессу, где у каждого второго еврея есть родственники. Наших там принял дед Мотя, отведя им целую комнату в своей небольшой квартирке на Ольгинском спуске. Их ждало ласковое море, теплый песок и сочные, огненно-красные помидоры. Наверное, помидоры они успели увидеть, а вот ярко-зеленых арбузов, которые дед называл "кавунами" им увидеть уже не довелось – помешала война. На второй день отец пошел в военкомат и больше его никто не видел. Мама с Леночкой успели уйти пешком на восток, а дед остался, заявив на своем русско-еврейско-украинском суржике: "Шо не бачив я тых румынских поцив. Та шо воны сделают такому одесситу, как я?" Но румыны не постеснялись и убили моего деда как и многих других, то ли в Березовке, то ли в Доманевке, то ли еще где-то.

– Я их пристроила вона в том флигелечке. Мож и отсиделись бы они – не умолкает Устинья Петровна – Когда за ними пришли, меня-то дома не было, а то бы и мне конец пришел бы в той проклятой балке. Выдал их один злыдень, уж не знаю, заплатили ему иль со злобы он.

"Кто?" – хочу спросить я, но язык пересох, во рту набит песок (наверное из той балки) и нет сил произнести ни слова. Петровна все понимает.

– Забудь ты про него, у него теперь нет имени. В ту же ночь его наши мужики колыями забили, не стали ждать советского суда. И хоронить не стали.

Хорошо, я уже забыл этого неведомого мне человека. Но не могу забыть как меня остановили на подходе к Змиёвской балке.

– Туда нельзя – сказал часовой с азиатскими чертами лица и ПППШ за спиной.

– Зови старшего по караулу – приказал я, с трудом заставив голос не дрожать.

Пожилый сержант, с такой же как и у меня медалью "За Отвагу", долго рассматривал мои документы и, наконец, махнул рукой:

– Только молится там нельзя, ты уж не подводи меня под трибунал, старлей. И ты там недолго, слышишь? Не надо тебе там долго быть... Плохо там.

Там действительно было плохо, там было очень плохо. Там не было ничего. Ничего, кроме уже поросших травой холмов, под одним из которых зарыли моих. Как это было? Доктор (наверное, в белом халате) проводит палочкой по губам каждому из детей. Дети согласны, ведь на палочке какая-то влага из пробирки, а им так хочется пить. Непослушных, плачущих детей крепко держат жены полицаев. Один мазок, две-три секунды, и ребенок больше не плачет, его можно не держать, а дать спокойно упасть на землю. Гуманно, ах как гуманно! Детей убивали первыми, а женщин заставляли смотреть. Некоторые сходили с ума, а ведь это тоже так гуманно. Так гуманно! Потом их расстреливали из пулеметов. А теперь здесь нет ничего: ни стеллы, ни красной звезды над братской могилой. И это тоже гуманно, ведь нет памяти – нет и боли. Или это не так? Мать твою, да здесь кругом сплошной гуманизм. Здесь следует поставить не крест, не пятиконечную звезду, не Звезду Давида. Здесь надо установить памятник гуманизму в виде большой стенки. А к той стенке поставить всех этих гуманистов: и доброго доктора с пробиркой яда и медсестер, что профессионально ему помогали, и полицаев, что расстреливали людей из пулеметов и их жен, что помогали держать мою сестренку. Хорошо бы поставить туда же коменданта, который одинаково хорошо служит любой власти, впрочем он свою стенку уже нашел. Следовало бы добавить и усача, так красиво умеющего рапортовать, и тех, кто не позволяет молиться на могилах и тех, кто выдавал немцам евреев и красноармейцев. Ну а потом всех их из пулемета... Вот только кто будет стрелять? Ты, Исаак Александрович Резник? Или кому-нибудь поручишь? Нет, уж честнее будет принять то, что есть, и запомнить навеки эти холмы, эту траву и этот город. Пусть не беспокоится старик-сержант, я не буду произносить молитвы. Откуда ему знать, что для того, чтобы твои слова попали к Всевышнему, необходимо десять евреев, а где их теперь возьмешь в этом лишенном евреев городе? Да и не умею я молиться...

Вена, февраль 1947

...Залесский невольно бросил на меня сочувствующий взгляд и тут же отвел глаза, понимая, что жалостью тоже можно ранить. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуться назад в послевоенную Вену.

– Вы что-то знаете, Серафим Викторович? – прямо спросил я.

– Ничего я толком не знаю – ответил он – Кто же мне такое скажет? Но я старый, неглупый и много повидавший человек. Иногда не обязательно знать. Достаточно почувствовать. Пойдем. Изя, я тебе уже все сказал.

Хорошо, что мой уже достаточно большой опыт позволяет переводить тексты, не задумываясь об их содержанием. Все же, думал я, возвращаясь пешком домой, сотрудники УСИА посмеются завтра над парой-тройкой забавных ляпов, допущенных переводчиком, думающем о чем угодно, только не о бумагах, которые он переводит. А думать мне было о чем, поэтому я не воспользовался трамваем, а пошел из Трагтенхофа в свой Виден через весь Старый Город. Домой мне не слишком хотелось, но ничего лучшего я не придумал. Можно было, конечно, пойти на танцы в Дом Офицеров в Хофбурге, но сегодня мне было совсем не до танцев. Я шел мимо развалин Святого Стефана, прошел арками Оперы, которые напоминали мне Мариинский Театр в Ленинграде, миновал минаретоподобные колокольни Карлскирхе, но ничего этого не заметил, погруженный в свои мысли.

Борьба за власть? Рокоссовский сейчас Главнокомандующий Северной группой войск. Должность немалая, куда уж выше. Действительно, куда? Министром обороны, которого многие именовали по старой памяти наркомом, был сам Иосиф Виссарионович Сталин. Вряд ли Рокоссовский метил на его место. Или все же метил? Не об этом ли меня предупреждали майор Гречухин и подполковник Залесский. Да, старый профессор разоткровенничался... Воистину, подполковник был сегодня очень неосторожен в своем желании предостеречь меня и наговорил много лишнего. А может быть не лишнего, а наболевшего? Но ты же не предашь его Изя? Ты, конечно, советский человек, Резник, но ты же не дурак и не подлец, верно? Ты уже побывал в СМЕРШе, получил пару раз по морде, слышал истошные крики из камер и видел изнанку власти, какой бы эта власть не была. Коммунисты, социалисты, капиталисты и фашисты. И одно кресло на всех. И маленькие люди, по головам которых поднимаются на высоту власти. Ты маленький человек, Исаак Резник. Да, ты маленький... Но ты человек. Вот и думай.

Борьба за власть... При мысли о таких заоблачных интригах меня сразу начало подташнивать и захотелось думать совсем о другом: о венских девушках, венском пшницеле и кружке холодного пива, не обязательно именно в такой последовательности. К тому времени, когда доплелся до своей Волебенгассе, мне почти полностью удалось избавиться от ненужных мыслей. В мыслях у меня уже не было ни холодного пива, ни девушек. Мыслей теперь не было совсем, а была лишь непонятная мне самому усталость. Хотелось быстренько выпить кофе с фрау Браницки, завалиться на кровать и забыться под насмешливый взглядом гусара. Но дома меня ждал сюрприз в виде инженер-капитана Матвеева и неизвестного мне человека в штатском.

Они сидели в гостинной и попивали что-то из моих граненых стаканов. Хозяйки не было видно.

– Заходи, Изя – приветливо кивнул Матвеев – А мы тут с Алоизом байки травим. Я тебя с ним потом познакомлю, дай историю закончить.

По немецки Матвеев говорил с ужасным прононсом, но весьма чисто.

– ...Заходим мы как-то на хутор верстах этак в двадцати от города – продолжил он свой рассказ – Саперы осмотрели усадьбу и дают добро, мол мин нет. В доме, ясное дело, никого. То ли сбежали, то ли их уже депортировали, не знаю. Смотрим, а на стене телефон. Ну, я же свя-

зист... Поднимаю трубку, а там сигнал, работает аппарат-то. И, чуть позже, приветливый такой женский голос говорит: "*Grüß Gott, wie kann ich Ihnen helfen?*"⁵ Я довольно неплохо шпрехаю, но такого говора в Пруссии не слышал. Поинтересовался я у той подруги что и как. И что вы думаете? Попали мы, оказывается, на телефонный коммутатор Вены. Не откуда-нибудь, а из глухого хутора под Кенигсбергом. И где же это, интересно, те кабели лежат? И кто их проложил? И когда? Да, много еще чудес таится в Пруссии, только копни!

– Так это ты по тому кабелю до Вены добрался? – спросил тот, кого он назвал Алоизом. Яков расхохотался и, отсмеявшись, сказал:

— Познакомься, Алоиз Шустерман, местный инженер. Мы с ним вместе будем работать. Алоиз, познакомься с Исааком. Резник, верно?

Я кивнул и присел за стол. Алоиз выглядел странно. Довольно приличный коричневый костюм сидел на нем мешком, как на вешалке, а черный галстук в более светлую полоску болтался на шее как тряпка. Он вообще производил впечатление исключительно болезненного человека, да к тому же с четко выделенными на худом сером лице скулами. Редкие темные волосы на голове не добавляли ему шарма. В подтверждение моих первых впечатлений, Алоиз зашелся в кашле.

– Лагерь? – участливо спросил Яков.

– И лагерь тоже – спокойно пояснил Алоиз – Но началось все много раньше, когда я наглотался боевых газов в Флоридсдорфе.

Видя наши недоуменные взгляды, он пояснил:

– Во время Гражданской Войны... Не слышали о такой?

Мы снова недоуменно переглянулись. В моем понимании, Гражданская была у нас в России или, на худой конец, в Америке в прошлом веке. При чем тут рабочий район Вены?

– Была и у нас такая небольшая война – не очень охотно произнес Алоиз – Там я и заработал больные легкие. А лагерь потом добавил свое.

– Какой лагерь? – спросил я и тут же пожалел об этом, потому что лицо Алоиза потемнело.

– Майданек – тихо сказал он – Слышали про такой?

Я не только слышал, но и видел....

⁵ Здравствуйте. Чем могу помочь? (нижненемецкий диалект)

Юго-Восточная Польша, май 1945

...В середине мая 1945 года окрестности Люблина пахли мерзостью... Казалось бы, для этого не было никаких причин... Недавно закончившаяся война прошла здесь много месяцев назад и привычные запахи пороховой гари и крови давно успели выветриться. Стояла мягкая польская весна, солнце светило уже не по-зимнему ярко, но еще без летнего неистовства. Тополя шелестели листвой, поля робко зеленели и девушки в белых платьях улыбались повесенному. Здесь должно было пахнуть свежестью, весенними цветами и раскрывшимися почками. Однако вместо этого пахло отвратительной жирной копотью, смертью и еще какой-то дрянью. Казалось, этот запах вьелся в кожу, проник глубоко в мозг, никогда не забудется и никогда не удастся от него отмыться. А ведь запах этот, вне всякого сомнения, существовал лишь в моем воображении, потому что Майданек остался далеко за спиной и наш "виллис" уже битый час пожирал хороший европейский асфальт на пути в столицу. Вот только от этого было не легче ни мне, ни Вольфу Григорьевичу, ни особисту, ни молодому британскому офицеру, которого мы обещали подбросить до Варшавы.

– Стой – не выдержал особист – Слышишь, старлей, останови.

Последнее, к моему огромному удивлению, прозвучало не требовательно, а скорее жалобно. Я послушно крутанул руль и въехал правым колесом в неглубокий кювет. Машина накренилась, помогая особисту выпрыгнуть, и он поплелся неверным шагом в негустой перелесок, прислонился там к молодой березке и его вырвало прямо на белый, с черными отметинами ствол. Теперь, подобно Есенину, он обнимал белую польскую березку, доверяя ей свой обед и не обращая внимания ни на нас ни на двух местных мужиков, не то поляков, не то западнцев, которые с усмешкой косились на нетвердого желудком офицера в фуражке с малиновым околышем. Думаю, что в другое время он бы их немедленно приструнил, но сейчас ему было явно не до пары мелкобуржуазных недобитков. Там в Майданеке он поначалу держался стойко, но когда нам показали рвы, то его холеное лицо заметно позеленело, приобретая человеческие черты, не свойственные представителям его профессии. Капитана звали как-то на "ша", не то Шувалихин, не то Шувалов, хотя я вовсе не собирался запоминать его фамилию, предпочитая обращаться по званию, да и то лишь в самых крайних случаях. Однако сейчас я на короткий миг проникся к нему сочувствием.

Вольфу Григорьевичу тоже было плохо. Его и без того осунувшееся лицо, казалось заострилось еще больше. Еще бы, ведь там, за спиной, остались его отец и братья, либо в глубоких рвах под немерянными слоями тел, либо пеплом, который выгребли из крематория. О чем он сейчас думал? Наверное и ему тоже хотелось сейчас обнять березку и биться об нее головой, чтобы заглушить воспоминания. Ведь тогда, перед войной, в мирной и зажиточной польской провинции он не сумел найти верные слова, пусть даже и жестокие, пусть даже и ранящие. Только теперь, после того что он увидел, у него появились эти слова, который могли бы заставить людей проснуться и бежать, бежать. А если бежать было некуда, то можно было взять оружие и умереть на пороге дома, а не в бесконечных, глубоких рвах. Но все уже свершилось, и он сжимал зубы от бессилия.

– *Хайнт мейн лебен из торн ин цвей. Ауф "эйдер" аун "нох"* – сказал он.

Англичанин недоуменно посмотрел на него:

– Простите, но я не говорю по-еврейски.

На идиш я тоже почти не говорю, но благодаря знанию немецкого, приобретенному за два года на фронте, мне удалось понять эту несложную фразу.

– Сегодня моя жизнь разорвалась на две части. На «до» и «после» – перевел я.

Капитану было явно не до нас, но бдительности он не потерял.

– Вас, товарищ Мессинг, я попросил бы говорить по-русски! – потребовал он.

– Я тут себе подумал было, что с такой фамилией можно-таки немножечко знать идиш.

Мне несомненно импонировало бесстрашие Вольфа Григорьевича, который то ли издевался над особистом, пародируя местечковый говор, то ли действительно говорил с сильным еврейским акцентом. Британского офицера звали Натан Розенфельд, был он молод, ненамного старше меня, и ничего еврейского в его лице я не заметил. Хотя, фамилия действительно не совсем английская.

– В нашей еврейской семье только мой дед знает идиш – подтвердил англичанин подзрения Мессинга – Вот такая у нас в Йоркшире ассимиляция.

– Нацистов ассимиляция не смущала – проворчал Мессинг после моего перевода – Не хочу вас пугать, молодой человек, но не было ли в тех рвах ваших родственников?

Опять мне пришлось переводить...

– Были – неожиданно сказал Розенфельд – Были!

И, в ответ на невысказанный нами всеми вопрос, добавил сквозь зубы:

– Все они там – мои родственники!

...И не оглядываясь пошел к машине.

– У этого молодого человека еще не зачерствело сердце – задумчиво пробормотал Мессинг.

Он сказал это опять на идиш, но капитан не стал его поправлять, наверное понял.

Вена, февраль 1947

... – *Хайнт мейн лебен из торн ин цвей. Ауф "эйдер" аун "нох"* – повторил я.

Что-то такое отразилось наверное на моем лице, потому что взгляд Алоиза потеплел.

– Ты видел – медленно протянул он.

– А ты Алоиз, был там как коммунист или как еврей? – не унимался инженер-капитан.

– Коммунист? Я никогда не был коммунистом. Раньше, еще задолго до Аншлюса, я был социалистом, а теперь я любитель свежего воздуха. Правда, евреем я был всегда, вот и получил по совокупности.

– Так Гитлер тоже вроде был социалистом? – брякнул я то, чему нас учили на политзанятиях.

Но Алоиз не обиделся.

– Вы, Изя, напрасно верите вывескам – усмехнулся он.

– Точно! Вот у нас в Жмеринке бил-таки один моэль... – Матвеев не очень убедительно попытался изобразить местечковый акцент – ...так у него на вывеске были часы нарисованы. Как-то его спросили, почему реклама не соответствует продукту. И что ви думаете, он ответил?

– "А что по вашему мне следовало нарисовать?" – я уже много раз слышал этот анекдот.

– Изя, а ведь у тебя не налито – спохватился Матвеев – Мы тут с Алоизом затарились в нашем магазине, У вас тут, я слышал, все больше белое сухое пьют?

– Сейчас у нас всё пьют – усмехнулся австриец – Подлей-ка и мне.

– Тебе как налить? – улыбнулся капитан – Как еврею или как бывшему социалисту?

Они снова засмеялись и Матвеев наполнил стаканы. Я пригубил. Действительно, белое вино с остаточным сахаром. Странно, инженер-капитану больше подошла бы водка или деревенский самогон. Чего только заграница не делает с человеком!

– А что это ты, капитан, все евреев поминаешь? – удивился я.

– Так я же и сам еврей – ответил он – Что, не похож?

– Да, вроде не очень – неуверенно протянул я.

Действительно, он был не слишком похож на потомка Авраама и Сарры. Широкое скуластое лицо, маленький нос картошкой, темно-русые волосы и белесые глаза как то не ассоциировались у меня с "избранным народом". Основой его родословной явно были русичи или вятичи, а потом по ней еще славно потопталось монголо-татарское иго.

– Я же из Ильинки, Таловского района, Воронежской губернии, колхоз "Еврейский крестьянин". Мы геры, из субботников. Не слышал? Я-то на самом деле по отцу Соломонович, так и в паспорте записано. Только всегда представляюсь Семеновичем, чтобы избежать лишних вопросов.

Про еврейский колхоз под Воронежем я тоже не слышал.

– У нас и синагога была до войны, закрыли ее потом – при этих словах Матвеев помрачнел – Ну а штаны я снимать не буду, ты уж поверь на слово.

– Неплохая у нас тут компания собралась – хмыкнул Алоиз – Еще бы нам семерых таких-же и можно идти в синагогу.

– Это он про миньян – заметил Яков Соломонович в ответ на мой недоуменный взгляд.

– Ты Исаак, не имеешь ли случайно отношения к визиту Рокоссовского? – вдруг спросил Алоиз.

– Имею – хмуро сказал я.

Вдаваться в подробности мне не хотелось, да и не знал я никаких подробностей. Не считать же таковыми две невнятных предупреждения.

– Напрасно он сюда едет – неожиданно сказал австриец – Опасное нынче место наша Вена.

И опять мы с Яковом уставились на него в недоумении.

– Странные наступают времена – так же непонятно продолжил Алоиз – Бывшие союзники грызутся и, того и гляди, станут заклятыми врагами. Впрочем это всегда так и происходило, что после Тильзита, что после Версаля. А наша многострадальная Вена попала в самый центр интриг.

– Каких интриг? – живо заинтересовался я.

Непонятные пока речи моего нового знакомого странным образом вписывались в обойму полученных мною предупреждений.

– А то вы не знаете, что наш богоспасаемый город превратился волею союзников, но вопреки их желанию, в мировую столицу шпионажа?

Знать-то я знал, но одно дело, когда об этом трывают на лекциях о бдительности и совсем другой колленкор, когда это коснется тебя лично.

– Ну а когда кругом шпионы, то из этого опытный интриган всегда может извлечь пользу...

– Например? – спросил я его в лоб.

– Например, подставив менее опытного интригана. Когда кругом оттираются непонятные люди, то можно попробовать уличить своего недруга в связях с иностранным шпионом, истинной роли которого он даже и не представлял.

– Ты что-то знаешь, или так просто? – требовательно спросил Матвеев.

– Не так просто – усмехнулся Алоиз – Но что это я все о грустном?

Еще одно предупреждение, подумал я, бог троичу любит. Он явно сказал все, что хотел или мог сказать и теперь пытался перевести разговор на другую тему.

– Верно, давайте лучше о бабах! – помог я ему...

...Маршал объявился на следующий день с утра. Не желая рисковать, я пришел на службу раньше всех и уже успел составить ежедневную сводку по британским газетам, когда в нашу комнату ворвался запыхавшийся Залесский.

– Изя, срочно вниз! – приказал он.

Я выскочил из комнаты, провожаемый сочувствующим взглядом подполковника, который чувствовал спиной через китель. Я не удивился бы, если б он и перекрестил меня тайком, но оборачиваться не стал и помчался вниз по лестнице. Маршала принимали на втором этаже, где располагалось начальство и где я почти не бывал.

– Товарищ маршал Советского Союза, старший лейтенант Резник... – начал было я, открыв дверь в приемную коменданта.

– Заходи, заходи старлей – прервал меня маршал – Сейчас сюда заявятся союзники и будет тебе работенка. Выпей пока-что водички.

В его речи чувствовался заметный акцент, наверное польский. Несомненно, Рокоссовский выглядел весьма импозантно. Первым делом в глаза бросался парадный маршальский мундир с рядами орденов, среди которых, похоже, были и иностранные. Да и сам маршал был красавцем с таким взглядом, который называют "орлиным". Даже волосы у него, несмотря на возраст, лишь немного отдавали сединой на висках. Наверное, красит, подумал я. Да, такие должны нравиться женщинам, и красавицам и дурнушкам, а он может себе позволить их не замечать. Но, что-то меня повело не туда, решил я и украдкой посмотрел на него пристальнее. При более внимательном рассмотрении, я заметил в его взгляде застарелую усталость и еще нечто неопределенное, возможно настороженность. Маршальская свита тоже была блестяща, хотя и уступала в блеске Рокоссовскому. Была тут парочка генералов и целая стая полковников. Куда это тебя занесло, старший лейтенант Резник, подумал я? А еще мне вспомнилась поговорка о том откуда высоко падать.

Пока я колебался, воспользоваться ли мне маршальским предложением смочить горло или воздержаться, начали прибывать союзники. На основании своего опыта я предполагал,

что первыми должны прийти деловые американцы, потом, опоздав на положенные по этикету три минуты, придут англичане, ну а безалаберные французы появятся значительно позже, рассыпаясь в извинениях. Но сегодня все было не так, как всегда. Французы, по известной только им причине, не пришли совсем. Первыми явились британцы, поздоровались, слегка улыбнувшись, и расселись с бесстрастным выражением лиц. Через пару минут вошли американцы с широчайшими улыбками на лице, хорошо знакомыми мне еще с Полтавы. Оказалось, что Полтаву я вспомнил не зря, потому что последним в зал вошел Ричард Пайпс. На меня он посмотрел мельком, заметно вздрогнул и отвел глаза. Интересно, мелькнула мысль, может быть я здесь лишний? Хорошо бы. Началось представление сторон. Наших и англичан пришлось переводить мне. Когда же очередь дошла до американцев, я вопросительно посмотрел на Пайпса, но он проигнорировал мой взгляд, сосредоточенно рассматривая лепнину под потолком. Что же, подумал я, мне не составит труда еще немного попереуводить. Но кто же вы теперь, мистер Пайпс? Мой старый знакомый действительно сильно изменился, пополнел, приобрел солидность и был в штатском.

Разговор начался с бесконечных любезностей, но постепенно поток взаимных комплиментов перешел в перечень взаимных претензий. Произносилось это всеми тремя сторонами до крайней степени лениво и было заметно, что союзники пришли просто полюбоваться на знаменитого маршала. Наконец визит вежливости закончился и гости, отсыпав еще порцию комплиментов, откланялись. Ко мне подошел очень любезный полковник, наверное адъютант маршала, и сообщил, что сегодня я им больше не нужен, так как у них "море дел со своими". А вот завтра вечером (" в шесть часов вечера после войны" – неуклюже пошутил полковник), мне надо будет переводить на банкете в Доме Офицеров.

Этим вечером я снова застал в гостинной Якова с Алоизом за такой же бутылкой. Интересно, подумал я, можно ли спиться от сухого вина? Французам вроде бы удается.

– Ну как тебе Рокоссовской? – первым делом спросил Алоиз с неподдельным интересом.

Действительно, что я думаю о маршале? Да, пожалуй, ничего. Сегодня он был очень тих, с союзниками ни о чем серьезном не говорил, предпочитая предоставлять слово своим референтам-генералам. Когда я неопределенно пожал плечами, Алоиз заметно приуныл.

– Чего ты ожидал? – спросил я его в лоб.

Было заметно, что австриец не жаждет отвечать, но за него это сделал Яков.

– Ну что же ты? Придется признаться... – он выжидающе посмотрел на Алоиза.

– Говори уж ты – неохотно произнес тот.

– Наш Алоиз... – начал Матвеев – ...приходится каким-то дальним родственником их президенту...

– Весьма дальним – уточнил австриец – Иначе наци не дали бы Реннеру отсидеться в Глогнице.

– К тому же, они оба социалисты – продолжил Яков.

– После Аншлюса я ничего общего с социалистами иметь не желаю – отрезал Алоиз.

– Твой Карл тоже приветствовал Аншлюс.

Инженер-капитан показал недюжинные знания истории. Ай да колхозники у нас, подумал я! Впрочем, Матвеев уже не был деревенским мужиком, его здорово пообтесали годы войны и службы в Пруссии.

– Наш президент хорошо умеет маневрировать – несколько смущенно пробормотал австриец.

– И выживать... – добавил Яков.

– Так зачем ему Рокоссовский? – поинтересовался я.

– А ты не понимаешь? – удивился Алоиз.

Мне вспомнились слова инженера Карстена и я, сам не совсем понимая то, что говорю, предположил:

– Старый лис Реннер пытается переиграть и Сталина и союзников?

– Пока что ему это удавалось – подтвердил Алоиз – Конечно, сердить Сталина по-прежнему опасно, но у нас на горизонте замаячил План Маршалла и Австрии тоже хочется отщипнуть от него весомый кусок. Говорят, там речь идет о миллиарде долларов...

– А причем тут Рокоссовский?

– Я и сам не совсем понимаю, но думаю все дело в его полководческом таланте. Так называемые "союзники" потихоньку готовятся к новой войне и им бы хотелось отстранить от дел самого талантливый из полководцев "усатого".

Мне почему-то вспомнился Ричард Пайпс и его сегодняшнее многозначительное молчание.

– Ты лучше скажи Алоиз, хорошо это для евреев или плохо?

Каждый раз, когда Яков напоминал о своем еврействе, я с трудом сдерживал на лице улыбку. На этот раз фраза прозвучала совсем по-местечковому: так мог бы сказать какой-нибудь Менахем-Мендель из Касриловки, подняв очи горе, взывая к Всевышнему и не ожидая ответа на свой риторический вопрос. Но австриец, похоже, принял его слова всерьез и задумался.

– Не думаю – неуверенно начал он и повторил – Не думаю, что в Европе что-нибудь может быть для нас хорошо.

Его слова меня удивили. Война давно закончилась и евреи наконец возвращались в свои дома.

– Вот именно – продолжил он более уверенно – А дом-то может быть занят. Как думаешь отнесутся они к тому, кто выселит их из жилища, который они уже давно считают своим? А ведь есть еще и еврейское имущество. Прикажешь ли, к примеру, отдать маленькую скобяную лавку, в которую какая-нибудь бедная мюнхенская семья вкладывала все свои силы уже почти два десятка лет? Конечно, они получили ее бесплатно после "Хрустальной ночи", но это было давно и неправда, а магазинчик исправно спасал их от голода в трудные годы. Конечно, закон будет на твоей стороне, и справедливость тоже, но... Представь себе такую мюнхенскую семью, без дома и без средств к существованию. Теперь их приютили родственники, которые их едва терпят. Работы нет, отец семейства медленно спивается, жена болеет и нечем платить за лечение, дочка пошла на панель, а младшие выпрашивают шоколадки у ворот американской базы. Как ты думаешь, кого они будут обвинять во всем? Гитлера, который сгнил давно? Или успешного и сытого еврея поселившегося в их квартире и сидящего в их магазине.

– Это не их квартира и не их магазин!

– А это ты им расскажи! Ну а что если в твоём доме сделали школу, приют для сирот или богадельню? Закон по-прежнему на твоей стороне, но что скажут люди? Они и не подумают сказать: "Справедливость восторжествовала!". Нет, они скажут: "Евреи отобрали жилье у детей и стариков!". И вы знаете, они тоже будут в чем-то правы. А противоположная сторона правды... Кого она интересует? Люди никогда не будут беспристрастны, это привилегия богов...

– Так что же ты предлагаешь? Все забыть? Все простить?

– Я ничего не предлагаю – Алоиз закрыл лицо руками – Я не вижу для нас будущего в Европе. Шикльгрубер все-таки добился своего.

– Кто? – удивился Яков.

– Это Гитлер – Алоиз немного успокоился – Так его звали, когда он еще был австрийцем. Он добился своего, хотя не все еще это поняли. Раньше нас можно было изгонять, лишать дома и имущества, а потом и убивать, и все это по закону. Теперь же закон на нашей стороне, но что это меняет? Мы мешаем всем: и тем, кого лишили крова и тем, кому служим напоминанием о том, что они предпочли бы забыть. Мы стали чужими всем в Европе. Не об этом ли мечтал их Фюрер?

– Поэтому ты живешь в общежитии? – спросил Яков.

– В нашей бывшей квартире сейчас живет семья с пятью детьми. Младшему из них два года. Наверное, было бы справедливо вернуть эту квартиру мне, но я не хочу такой справедливости. К тому же я теперь один и что прикажете мне делать в огромном доме?

Я не стал спрашивать, что стало с остальными членами его семьи, это было и так понятно.

– Куда же податься бедному еврею? – спросил Яков.

Несмотря на всю трагичность и мрачность сказанного австрийцем, я не смог сдержать улыбки: сейчас воронежский колхозник очень точно изобразил местечкового еврея. Наверное Матвеев попытался разрядить атмосферу и, похоже, ему это удалось. Алоиз тоже улыбнулся.

– Не знаю – сказал он грустно – Наверное мы нигде не желанны.

– Иерусалим... – тихо прошептал Яков.

– Что Иерусалим? – удивился я.

– Он имеет ввиду Палестину – пояснил Алоиз – Но не думаю... Да и кто нас туда пустит?

– Может, нам и не надо спрашивать разрешения? – все так же тихо продолжал Матвеев – А, Изя? Что скажешь, бог войны?

Я в растерянности молчал. Загадочный Иерусалим и Палестина были так далеки и от оккупированной Вены и, тем более, от нашего Максимилиановского переулка в Ленинграде. Впрочем, в Максимилиановском я уже побывал два года назад, сразу после Змиёвской балки. Город встретил меня пасмурно, хотя мне ли привыкать к мелкому ленинградскому дождичку? А вот на Максимилиановском было совсем плохо. Наша квартира в полуподвале давно была занята, и тоже многодетной семьей. Никого из довоенных знакомых я не встретил: ребята сгнули на фронтах, а старики не выжили в Блокаду. На верхних этажах вообще не осталось выживших; не было сил у полумертвых людей затащить ведро с водой по обледенелым ступенькам. Весь наш переулок обезлюдел и помертвел, глядя в серое ленинградское небо разрушенными стенами и окнами без стекол. Лишь однажды на улице я встретил Таньку Маслову из соседнего дома, которая училась в нашей школе на класс старше меня. Не помню, чтобы мне было так страшно на фронте и никогда себе не прощу того, что было потом, никогда. Эта молодая девушка с мертвыми глазами и лицом старухи так смотрела на меня голодным взглядом послевоенной женщины, что я повел себя малодушно и сбежал, отговорившись неотложными делами. Нет, меня больше не тянуло на мертвый Максимилиановский.

А вот теперь Палестина. Что я знаю про нее? Да почти ничего, кроме названия, пятнышка на карте мира и унылого пейзажа на картине "Явление Христа народу" в Русском музее. Интересно, почему Яков вдруг вспомнил мое артиллерийское прошлое?

– Там же вроде англичане? – протянул Алоиз.

– Англичане, говоришь? Слышал, слышал. Но это не беда. Были там в свое время и греки и римляне...

Матвеев опять меня удивил, проявив неожиданные для колхозника знания античной истории.

– Да и кого там только не было – продолжил он – Но все они ушли, кто раньше, а кто позже. Уйдут и англичане. А сыны Авраама и Якова останутся.

Я украдкой посмотрел на его лицо и невольно залюбовался. Куда делся нос картошкой и монгольские скулы? Теперь это был пророк и трибун, с орлиным, как у Рокоссовского, взглядом и сверкающими, хотя и по-прежнему белесыми, глазами. Несомненно он считал себя потомком еврейских патриархов и, пожалуй, так оно и было. По видимому, подумал я, духовное родство будет не слабее кровного. И тут меня легонько кольнула зависть: воронежский мужик оказался большим евреем, чем я.

— Да и сейчас есть пути попасть в Палестину – задумчиво продолжил Яков – Надо только знать дорогу. Иногда она даже начинается в Восточной Пруссии.

Он осекся и опасливо посмотрел на нас с Алоизом, ожидая вопросов. Но мы не задали ему ни одного вопроса...

...На следующий день я с раннего утра составлял свои сводки, что-то там переводил, кому-то в чем-то помогал и все время с замиранием сердца ждал вечернего банкета. Ничего хорошего мне от него ожидать не приходилось. Дом Офицеров занимал целое крыло огромного императорского дворца в Хофбурге. Над его скромной, но солидно-высокой дверью, которая в императорские времена служила наверное входом для прислуги, висела огромная пятиконечная звезда с портретами братьев-близнецов: Сталина и Ленина. Незримое присутствие Рокоссовского ощущалось уже на входе, где часовой, который обычно пропускал офицеров в форме без проверки, сегодня потребовал пропуск. Тут же подскочил вертлявый подполковник из свиты маршала и провел меня в банкетный зал, благодушно разрешив бросить шинель и ушанку гардеробщику. Банкет уже накрывали в "Праздничном зале". Я и раньше был здесь пару раз на концертах и уже спокойно воспринял огромный зал, расписные потолки с изящной лепниной, люстры тонкого хрусталя, наборные мраморные панели на стенах и огромные окна, завешенные сегодня сборчатыми занавесями.

Полковник провел меня к пустому пока длинному столу, где на ослепительно белой скатерти пестрыми пятнами выделялись вазы с искусственными цветами. Официанты с серыми окопными лицами, старательно старавшиеся не смотреть на мою медаль "За Отвагу", стремительно стали расставлять бокалы, бокальчики, тарелки и тарелочки. Изящные венские стулья светлого дерева с гнутой спинкой и мягким сиденьем бледно-розового цвета стояли вокруг стола в почетном карауле. "Стул из дворца", подумал я, вспомнив читанную еще до войны книгу. Начали прибывать гости. Первыми появились туземцы: чиновники во фраках и накрахмаленных не то сорочках, не то манишках и высшие полицейские чины в забавных мундирах (армии у Австрии все еще не было несмотря на туманные намеки президента). Австрийцы держались хорошо, с достоинством, но без надменности, наверное сказывалась порода, берущая свое несмотря на годы оккупации. Следом начали появляться союзные офицеры такого же как и у меня невысокого ранга. Они оставили в гардеробе свои расписные карикатурные кепи, лихие береты и пилотки и теперь мало отличались друг от друга в форме цвета хаки и оттенков серо-бежево-зеленого. Потом начали появляться высшие чины. Вначале, куда-то в дальний, австрийский конец зала прошел канцлер со скромной свитой. Сегодня Леопольд Фигль выглядел молодцом, наверное постарались гримеры. Я, по крайней мере, не заметил на его лице лагерных следов, как у Алоиза, хотя и он отсидел свое в Маутхаузене. За стол сели два знакомых мне генерала-референта и вопросительно посмотрели на меня. Пришлось присесть, но тут же все встали и зааплодировали.

Маршал и высшие чины союзников ввалились в залу практически одновременно, наверное сговорились. Дальше все было ожидаемо. Француз улыбался как кукольный Арлекин, американец расплывался в бескрайней бессмысленной улыбке, англичанин был бесстрастен, но глаза смеялись, и лишь на лице Рокоссовского под каменной маской угадывалась легкая брезгливость и презрение ко всем этим церемониям. Да, похоже наш маршал был более полководцем, чем политиком. Забавно позвякивая своим солидным "иконостасом" маршал подошел к столу, вызвав этим переполох среди организаторов. Наконец, после небольшой и суматошной рокировки, все расселись и меня усадили рядом с одним из референтов, сидевшем ошую маршала. Началось торопливое представление сторон, после которого одна за другой понеслись здравицы. Вначале я старательно переводил с английского и обратно, но быстро заметил, что меня никто не слушает. Тогда, окончательно обнаглев, я начал переводить и с французского, хотя почти ничего не понимал. На это, как я и рассчитывал никто не обратил внимания, лишь маршал, опасливо покосившись на референтов, одобрительно подмигнул мне. Он не уклонялся от тостов и, по моему наблюдению, уже основательно захмелел, когда начали происходить события.

К этому времени чинный строй длинного стола разорвался на небольшие группки "по интересам". Вынужденный держаться вблизи маршала, я стал свидетелем тому, как к нам подошли трое американцев. Двое из них были в форме. Одного из них, Марка Кларка, командующего американскими оккупационными силами в Австрии, мне уже приходилось видеть раньше. Второй офицер оказался переводчиком, но Кларк его почти сразу же услали, убедившись в коей компетентности. В третьем, я уже без какого-либо удивления узнал Пайпса. Пока Рокоссовский и Кларк вели неторопливый, вежливый и мало осмысленный разговор, я беззастенчиво рассматривал Пайпса, предполагая, что именно он окажется главной фигурой сегодняшнего вечера. Спыхватившись, Кларк представил его:

– Это мистер Пайпс, молодой, но очень способный докторант из Гарварда. Он очень интересуется Россией.

– Генерал имеет ввиду СССР – извиняющимся тоном поправил его Пайпс.

Значит он действительно Пайпс? И я снова впери в него свой взгляд, однако смутить Пайпса мне не удалось и его, обычно такие живые глаза, продолжали смотреть сквозь меня ничего не выражая. То ли мне показалось, то ли по залу прошло какое-то движение, как волны на воде. Кларк вдруг засуетился, извинился под каким-то, как мне показалось надуманным предлогом, и неуклюже исчез. Около нашей части стола остались мы с маршалом и загадочный Пайпс, немедленно начавший раздавать громоздкие комплименты полководческому таланту Рокоссовского. Я огляделся, не переставая переводить. Вокруг явно творилось неладное. Куда-то исчезли референты, испарились вежливые полковники, рассредоточились, как во время авианалета, союзники, а в конце зала промелькнул Федор Гречухин, одетый во фрак. Ко нам подбежал незнакомый полковник:

– Товарищ маршал Советского Союза! Разрешите обратиться к старшему лейтенанту?

Рокоссовский вальяжно махнул рукой, разрешая.

– Старший лейтенант Резник?

– Так точно!

– Тебя срочно требует к себе подполковник Залесский!

Все стало понятно! Серафим Викторович разумеется не в курсе, что я ему так срочно понадобился. Сейчас меня удалят, а Рокоссовской останется с Пайпсом. Думаю, им хватит и нескольких минут проведенных маршалом наедине с американским шпионом. Ну а в том, что Пайпс не гарвардский докторант или, по крайней мере, не только гарвардский докторант, я нимало не сомневался. Потом перед Залесским извинятся, объяснив это досадным недоразумением, а лучший полководец страны будет непоправимо скомпрометирован. Но неужели Рокоссовский сам не понимает? Или он слишком пьян? Действительно, маршал неловко покачнулся и Пайпс тут же пришел ему на помощь, помогая сесть. Что будешь делать, Изя? У тебя есть прекрасная причина уйти, ведь тебя вызывает твой командир, да и маршал не против. Иди, спасай себя, оставь Рокоссовского на съедение этому многонациональному кодлу. Что тебе этот русско-польский маршал? Что тебе сиреневый атомный гриб над Максимилиановским? Ты еще можешь спрятаться в своей комнате на Волебенгассе, ну а старого гусара можно повернуть лицом к стенке, чтобы не видеть его укоризненных глаз. И тут я поймал все понимающий, спокойный и совершенно трезвый взгляд Рокоссовского...

– Ой! – тихо сказал я и медленно осел на стул – Извините, товарищ полковник, с фронта не пил водки. Наверное немного развезло. Я сейчас, вот только посижу минутку...

Полковник пожал плечами и гордо удалился, скрывая растерянность. Я повернулся и наткнулся на удивленный взгляд маршала, который прекрасно видел, что я ничего не пил.

– Извините, товарищ маршал Советского Союза – пробормотал я.

– Ты, сынок, еще не устал меня титуловать? – поинтересовался Рокоссовский.

– А как же...? – ошарашенно заблеял я.

— Ну, думаю что Костиком ты меня звать не осмелишься. Тогда зови Константином Константиновичем.

– Тоже длинно – я внезапно обнаглел – Можно вас называть "товарищ главком"?

– "Главком"? – он пожевал губами – А что, мне нравится. Почти как в Гражданскую...

Все это время Пайпс вежливо улыбался старательно, но не очень убедительно изображая недоумение.

– А ты что скажешь, докторант? – потребовал Рокоссовский.

Пайпс посмотрел на меня, но я только пожал плечами, не желая играть в его игры.

– *Tytuły są względne, panie Marchal*⁶ – мрачно сказал он.

Наверное он понял, что его провокация не удалась и попытался откланяться, но Рокоссовский его остановил повелительным движением руки:

– Сиди! Тебе будет полезно послушать, еще прославишься там в своем Гарварде. Только вот беда, старлей-то у нас польским не владеет, а ты, похоже, такой прохиндей, что, думаю, и по русски сможешь. Верно?

– Он может, товарищ главком – подтвердил я.

– Тебя как зовут, старлей?

– Изя – ошарашенно сказал я.

– Так что же ты, Изя... – произнося мое имя маршал заметно поморщился – ...лезешь куда не просят?

Наверное на моем лице было написано такое искреннее недоумение, что он коротко расмеялся невеселым хриплым смехом.

– Вы наверное знаете, ребята, и в особенности этот гарвардский прохиндей – он указал подбородком на Пайпса – Что товарищу Сталину не возражают. Никогда! Даже тогда, когда он предлагает тебе место наркома, то есть, тыфу ты, министра обороны. Никогда! Даже если тебе этот пост нахрен не нужен. Я понятно выражаюсь?

– Так точно, товарищ главком! – машинально отрапортовал я.

Теперь голова у меня кружилась так, как будто я выхлебал залпом сразу две порции фронтных ста грамм.

– Ну вот, а ты мне все испортил. Как же этот американский гусь будет меня компрометировать, если ты тут сидишь?

Я посмотрел на Пайпса, который выглядел сейчас не лучше меня.

– Но ведь он... – я не договорил, выразительно показав на американца.

– Вы что думаете, что одного разговора наедине с агентом ОСС, или как вас теперь называют, достаточно, чтобы загнать Рокоссовского на лесоповал?

Я по прежнему молчал, пытаюсь собраться с мыслями. О каком это лесоповале он говорит?

– Однажды уже попробовали, впрочем – его лицо помрачнело – Но сейчас не те времена. Все, что мне грозит, так это опала. А может мне именно этого и надо? Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут! Зато избавят от этой грызни.

Он не стал пояснять, о какой грызне идет речь, а мы не спросили. Мне было все равно, а Пайпс вероятно знал и так.

– Ну и что же теперь мне делать, товарищи и господа? – спросил Рокоссовский.

– Я, пожалуй, все же попробую устроить какую-нибудь провокацию – усмехнулся американец – Как не расстараться для такого любезного пана.

– Вечно, вы, жиды, лезете куда не надо – проворчал маршал.

Меня заметно передернуло, а Пайпс опять ухмыльнулся, нагло глядя на Рокоссовского.

– Ты что, Изя? – удивился тот – Я же хотел сказать "евреи".

⁶ Титулы относительны, господин маршал (польск.)

– Пан маршал думает по польски – пояснил Пайпс.

– Ну да, верно – смутился Рокоссовский – Случается...

Мы немного помолчали и я осторожно огляделся. В зале же творилось нечто странное. Люди разбились на группки и посматривали на странную компанию из завешенного орденами красавца маршала, старшего лейтенанта и молодого американца. Большинство, смотрели с недоумением, но были и такие, кто наблюдал за нами с интересом и, возможно, даже с пониманием. Среди них выделялась команда канцлера, несколько наших офицеров, Гречухин во фраке и Марк Кларк. Впрочем последний, судя по его недоумевающему виду был не в курсе интриги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.